

Услышав приказ Хэ Чэншуана, черный леопард недовольно заворчал. Задрал голову, он испустил глухой рык в сторону непрошенных гостей, словно демонстрируя все свое презрение, ленивым ударом хвоста опрокинул подвернувшуюся под лапы бродячую собаку и неторопливо пошагал к дому.

Лао Цзян и Хуа Ханьчжан тоже слышали зычный голос Хэ Чэншуана. Решив, что стряслась беда, они поспешно вышли во двор и увидели спутников, стоявших у окна.

— Что случилось? — недоуменно спросил Хуа Ханьчжан.

Е Цинжан повернулся к нему:

— Ничего особенного. Как твои успехи?

Вместо ответа Хуа Ханьчжан сорвал зеленый листок с комнатного растения на столе и раскрыл ладонь. Лист внезапно взмыл вверх, поднялся сантиметров на тридцать и, плавно кружась в воздухе, опустился обратно на неё.

Лао Цзян, не желая отставать, прижал ладонь к стене. Ровная прежде штукатурка мгновенно вздыбилась, ошетилившись неровным рядом острых шипов. Напоследок, явно красуясь перед остальными, он заставил каменные иглы оплавиться и слиться в один прочный граненый конус.

Эту демонстрацию застал вернувшийся леопард. Протиснувшись сквозь приоткрытую дверь, зверь шумно выпустил из ноздрей струйки пара. Окинув взглядом творение Лао Цзяна, он приоткрыл пасть и с приличного расстояния выплюнул аккуратный ярко-желтый огненный шар. Пламя ударило точно в земляной конус. Тот в мгновение ока поплыл, словно восковая свеча, и грязными потеками стек на пол.

Уничтожив чужую работу, хищник плотоядно оскалился — точь-в-точь издевательская ухмылка. Гордо повиливая хвостом, он прошествовал к Хэ Чэншуану и улегся у его ног, свернувшись огромной черной кошкой.

Е Цинжан, глядя на вытянувшееся, мрачнее грозовой тучи лицо Лао Цзяна и изумленного Хуа Ханьчжана, едва сдерживал смех.

— Вот как-то так, — примирительно произнес он. — Да Хэй только что столкнулся внизу с мутировавшим ротвейлером. Подрались немного. Я испугался, что они поднимут шум и привлекут лишнее внимание, поэтому отозвал его.

— Погоди, — нахмурился Хуа Ханьчжан, цепляясь за его слова. — Мутировавший ротвейлер? Хочешь сказать, у собак тоже просыпаются способности? И... и кто мы тогда такие после этого?

— Спокойно, без паники, — пояснил Е Цинжан. — Тот ротвейлер и до катастрофы был силен, к тому же отлично выдрессирован. Его мутация вполне закономерна. Кроме того, он не овладел стихиями, а лишь стал намного сильнее и быстрее. Природные катаклизмы животные переносят куда легче нас, их приспособляемость несоизмеримо выше. Боюсь, вскоре мутации станут повсеместными, особенно среди хищников и агрессивных видов. Ну а что касается Да Хэя... я слишком долго лечил его раны своей духовной силой дерева, так что его пробуждение — вещь вполне естественная.

— Но если все обстоит именно так... — Хуа Ханьчжан покачал головой. — С одной стороны — толпы зомби из бывших людей, с другой — полчища мутировавших зверей. Разве у человечества остался хоть какой-то шанс выжить?

— Послушай, пробуждение стихийных сил хаотично. Оно никак не связано с прежней физической силой или интеллектом. Способности могут открыться у младенца, в то время как подготовленный боец останется ни с чем. И помни: стихийные адепты всегда будут в меньшинстве по сравнению с теми, у кого просто усилилось тело. Это правило едино и для людей, и для животных, и для растений.

Хуа Ханьчжан невольно усмехнулся:

— Неужели даже трава с деревьями обретет суперсилу?

— А почему бы и нет? — парировал Е Цинжан. — В этом безумном мире возможно все.

Хуа Ханьчжан со вздохом опустился на стул, постепенно справляясь с восторгом от обретенного дара.

— И все же... Нас четверо и один леопард. И у каждого из нас пробудились силы, представляющие разные первоэлементы. Мы с Хэ Чэншуаном и вовсе получили редчайшие мутации стихий. Подобное совпадение поневоле наводит на мысли.

Е Цинжан прекрасно его понимал. Не будь у него за плечами опыта прошлой жизни, он и сам усомнился бы в такой статистике. В его прошлом южная зона безопасности «Ковчег» насчитывала почти двадцать миллионов уцелевших, но одаренными среди них была едва ли десятая часть, а стихийными магами — и вовсе считанные сотни тысяч. Однако делиться этими откровениями он не собирался. Вместо этого он постарался успокоить товарища:

— Вот поэтому наша пятерка — сила, с которой придется считаться. Если не станем совершать глупостей и продолжим упорно тренироваться, то обеспечим себе безбедное существование. Ветер, огонь, молния... все мы сошлись под одной крышей, и это великая удача.

Хуа Ханьчжан потер лоб, решив оставить эти размышления, и спросил:

— Куда держим путь дальше?

— В Хубэй, к лесам Шэньнунцзя, — ответил за Е Цинжана Хэ Чэншуан. — Цинжан владеет стихией дерева, ему нужно собрать там редкие семена.

— Искать семена самому? — удивился Хуа Ханьчжан. — Не слишком ли много мороки? Проще ведь купить. Думаю, сейчас на рынках можно достать почти любые семена.

— Обычные семена — возможно, — мягко возразил Е Цинжан. — Но где ты купишь редчайшие лекарственные травы? Природа таит в себе чудеса, которые нам и не снились. В лесах Шэньнунцзя растут уникальные виды: «семилистник-одноцветник», «жемчужина на макушке», «кисть царя Вэня», «чаша у реки»... В традиционной медицине их называют по форме и свойствам: «одна ароматная ветвь», «стрела Эрлана», «три иглы», «вечнозеленый падуб», «пять облаков», «июньский снег», «семилистная гиностемма», «восьмиугольный лотос», «девятижилый бессмертник», «десять великих заслуг».

Переведя дыхание, он продолжил:

— Легенда гласит, что в древности великий Шэнь-нун строил там деревянные мосты, поднимаясь на кручи, чтобы испробовать сотни трав и спасти людей. Те места всегда были полны духовной энергии и тайн. Если мне повезет отыскать хотя бы пару мутировавших редких растений, это станет моим величайшим сокровищем.

В прошлой жизни главным достоянием Е Цинжана была крошечная семечка мутировавшего гриба-змеевика. Тот, кто продал ее ему, божился, что раздобыл ее именно в Шэньнунцзя. Змеевик и раньше славился своими жаропонижающими и кровоостанавливающими свойствами, но после мутации превратился в настоящее чудо: стоило растереть его в кашу и приложить к ране, как кровотечение прекращалось мгновенно. Именно это снадобье позволяло Е Цинжану зарабатывать на жизнь врачеванием в суровые годы апокалипсиса. Не будь у него этой хитрости, со своей слабой магией дерева он был бы обречен батрачить на общинных огородах за миску похлебки, а не покупать хорошее оружие и снаряжение для вылазок за стену.

Выслушав эту лавину названий, Хуа Ханьчжан на секунду задумался, а затем он оживился:

— Понимаю. Твоя сила позволяет использовать растения в бою. Значит ли это, что и нам остальным стоит искать свои проводники для магии?

Е Цинжан мысленно восхитился его проницательностью. Умение Хуа Ханьчжана схватывать все на лету не могло не радовать. С улыбкой достав из рюкзака заранее приготовленные свитки, он протянул их товарищам. Лао Цзян бережно принял тетрадь в плотной охристой обложке, на которой красовалось название: «Канон Небесного Принятия». Свиток, доставшийся Хуа Ханьчжану, был тоньше, а на его лицевой стороне красовалось лаконичное: «Милость ветра». Тонкие, летящие иероглифы разительно отличались от тяжелых, монументальных штрихов на книге Лао Цзяна.

Хуа Ханьчжан провел подушечками пальцев по рельефным очертаниям знаков. От этого прикосновения в груди разлилось странное, будоражащее тепло. Он понятия не имел, сколько еще тайн и сокровищ скрывает Е Цинжан, откуда у него эти знания и какое прошлое стоит за его плечами.

Приоткрыв первую страницу, он увидел каллиграфические строки:

«Вздывает ветер тысячи валов, качая стебли бамбуковых лесов. Безлик, невидим, он творит весь мир, скрываясь в дымке гор, как истинный бессмертный».

Эти слова невольно воскресили в памяти нефритовый амулет «Уединение в горах», который он недавно подарил Лао Цзяну в знак благодарности.

«Похоже, путь сокрытия предначертан мне самой судьбой», — подумал юноша.

Прижав свиток к груди, Хуа Ханьчжан кивнул:

— Я сберегу это знание. Спасибо.

— Мы слишком долго были в пути, — подал голос Хэ Чэншуан. — Раз уж мы выбрались из Сычуани, сделаем здесь передышку на пару дней. Вам обоим нужно освоить основы ваших техник. Ну а если какие-то ублюдки решат к нам сунуться...

Он не договорил, но по его хищному оскалу Е Цинжан понял: глупцам, решившим испытать судьбу, лучше обходить их прибежище за версту.

Следующие три дня пролетели незаметно и на удивление спокойно. Для Е Цинжана и Хэ Чэншуана это время напоминало тихие дни до катастрофы — пожалуй, они были даже безмятежнее прежних. Раньше Хэ Чэншуан по уши увязал в делах своей криминальной и бизнес-империи, теперь же единственной его заботой стали духовные тренировки. Благодаря запасам свежих овощей, спелых фруктов и чистой воды из Малого Тайного Пространства им не приходилось беспокоиться о хлебе насущном.

И хотя Хэ Чэншуан считал любовные ласки делом первостепенной важности, Е Цинжан упрямо отказывался проводить в постели каждую ночь. Он уверял, что излишняя похоть вредит чистоте помыслов и истощает духовные каналы. Впрочем, толстокожего и напористого Чэншуана такие доводы мало заботили — в искусстве соблазнения он уступать не собирался.

Убежище, в котором они устроились, стояло на самом отшибе, и все соседи давно сбежали. Пользуясь этим, Е Цинжан каждое утро отправлял леопарда на охоту — зачищать окрестности от бродячих мертвецов и дичающих зверей. В один из дней Да Хэй вернулся с добычей: притащил в зубах тушку полусъеденного жирного кролика, который даже в таком виде размерами не уступал приличной собаке.

Это лишь подтверждало догадки Е Цинжана — процесс мутации фауны набирал обороты. Помешивая в котелке шкворчащее, испускающее умопомрачительный аромат рагу, он сказал сидевшим за столом мужчинам:

— В этом есть и свои плюсы. Посмотрите на этого зверя: половины тушки хватит, чтобы досыта накормить четырех взрослых мужиков. Похоже, если не лениться, голодная смерть в этом новом мире нам точно не грозит.

Под словом «не лениться» Е Цинжан, конечно, имел в виду обычных людей, а не их отряд — Хуа Ханьчжан прекрасно это понимал. И хотя простая стряпня Цинжана уступала изыскам шеф-поваров из элитных ресторанов, готовил он отменно. Глядя на то, с каким аппетитом уплетают еду Лао Цзян и Хэ Чэншуан, Хуа Ханьчжан и сам не замечал, как тянулся за добавкой. В последнее время он обнаружил, что поправился на целый килограмм. Для человека, привыкшего тщательно следить за своей фигурой, это стало поводом для тихой паники, но устоять перед ароматными, сочными блюдами он был просто не в силах.

В конце концов, неплохо разбираясь в кулинарии, он вызвался помогать на кухне. Иногда Ханьчжан сам баловал спутников легкими закусками, которые Лао Цзян уплетал за обе щеки, расточая восторженные похвалы. Со временем Хуа Ханьчжан заметил, что свежие овощи и зелень, которые они ели каждый день, разительно отличались от увядших остатков из разграбленных супермаркетов. Конечно, он не мог и помыслить о существовании такого чуда, как Малое Тайное Пространство, списывая все на магию дерева Е Цинжана.

Они обедали, лениво переговариваясь о пустяках. Заметив, что пристроившийся у порога леопард с удовольствием уплетает тушеное мясо, Хуа Ханьчжан усмехнулся:

— Да Хэй вроде бы дикий хищник, а к вареному мясу привык быстрее, чем к сырому.

Е Цинжан подложил в тарелку Хэ Чэншуана сочные побеги капусты. Тот терпеть не мог зелень, но из рук возлюбленного безропотно съедал все до последнего кусочка.

— Это редкость, — улыбнулся Е Цинжан. — К тому же для него я мясо лишь слегка обвариваю кипятком, оставляя полусырым.

За прошедшие дни Хуа Ханьчжан окончательно убедился в характере отношений между этими двоими. Его это нисколько не смущало: вращаясь в высшем обществе, он видел и не такое. Правда, большинство подобных связей заводились ради мимолетного развлечения, но те немногие однополые пары, что решались жить вместе всерьез, обычно хранили друг другу удивительную верность.

Из-за детских травм и холодного семейного воспитания Хуа Ханьчжан привык держать людей на расстоянии. За все свои двадцать четыре года он ни разу не испытывал к кому-либо настоящей привязанности. Он давно смирился с мыслью, что его брак станет лишь очередной сделкой ради семейного бизнеса, и все, на что он надеялся, — это встретить порядочную женщину, к которой он сможет относиться с уважением, пусть даже без любви. Но теперь,

глядя на Е Цинжана и Хэ Чэншуана, он ловил себя на тихой, непривычной зависти.

<http://bllate.org/book/19006/1986514>